

Индекс 70156

ISSN 0042-8744

5

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ISSN 0042-8744   Вопросы философии, 2014, № 5

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2014

5
2014

«НАУКА»

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 5

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2014

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К итогам XXIII Всемирного философского конгресса

- А.Н. Чумаков, А.Д. Королев** – Философия как познание и образ жизни..... 3
А.А. Гусейнов – Философия как этический проект..... 16

К 100-летию академика Т.И. Ойзермана

- Интервью с Т.И. Ойзерманом 27
И.Т. Касавин – Путь через столетие. Философский подвиг Теодора Ойзермана 32
А.А. Гусейнов – Патриарх отечественной философии..... 38
Ань Цинянь – Т.И. Ойзерман и современная марксистская философия 47

Философия и наука

- В.А. Бажанов** – Разновидности и противостояние реализма и антиреализма в философии математики. Возможна ли третья линия? 52

Философские проблемы творчества Достоевского

- В.К. Кантор** – Какие сны приснятся в смертном сне, или Жизнь в смерти..... 65
Д.А. Мартинсен – Черт Ивана Карамазова и эпистемическое сомнение..... 73
Б.Н. Тихомиров – “Кто же это так смеется над человеком?” (Мотив “онтологической насмешки” в творчестве Достоевского)..... 78
М.В. Киселева – Дневник читателя и поэта “страшного” 86
В.Н. Захаров – Кодекс Достоевского: журнализм как творческая идея писателя 92
К.А. Степанян – Человек в свете “реализма в высшем смысле” (Достоевский, Шекспир, Сервантес, Бальзак, Маканин)..... 98
А.В. Тоичкина – Заметки Д.И. Чижевского о Достоевском и Н.Н. Страхове..... 104

Д.И. Чижевский – Черт Ивана Карамазова и Н.Н. Страхов. Перевод М. Кармановой, публикация и комментарии А.В. Тоичкиной.....	110
И.Л. Волгин – “Дневник писателя” как мирозозидающий проект	116

Из истории отечественной философской мысли

Н.М. Северикова – Страницы жизни философа Хасхачиха	123
Книга “Явление и смысл” Густава Шпета и ее значение в интеллектуальной культуре XX века (материалы “конференции – круглого стола”). Участвовали: М. Денн, И.А. Михайлов, В.И. Молчанов, Н.В. Мотрошилова, Т. Немет, Б.И. Пружинин, А.С. Савин, Ф. Тепп, А. Хан, У. Шмид, Т.Г. Щедрина	129

История философии

М. Розенгрэн – Тезис Протагора: доксологическая перспектива.....	171
---	-----

Из редакционной почты

М. Веллер – К вопросу об аспектах обмана	179
---	-----

Научная жизнь

А. Сагикызы – Первый форум философов Казахстана	184
--	-----

Критика и библиография

С.И. Можилин, А.Н. Неверов – Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков, В.А. Петровский, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. Методология психологии: проблемы и перспективы. Учебное пособие.....	186
Наши авторы.....	190

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
А.Ф. Зотов (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), **Т.И. Ойзерман** (Россия), **М.В. Попович** (Украина),
В.С. Степин (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова, И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
**А.М. Руткевич, Ю.Н. Солонин, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова** (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО

В июне 2013 г. в Москве состоялся очередной XV Симпозиум международного общества Достоевского под названием “Достоевский и журнализм”. В нем приняли участие зарубежные и отечественные ученые. Редакция обратилась к материалам симпозиума, справедливо полагая, что писатель такого масштаба невольно вызовет в любой теме философский поворот мысли, именно такие тексты нас интересовали. Для философского журнала журналистская тема в философском контексте всегда интересна. Мы публикуем в этом номере восемь докладов явного философического содержания. Здесь и мотив “онтологической насмешки” в творчестве Достоевского, и проблема посмертного существования (от Платона к Достоевскому: русский опыт), и другие темы: черт Ивана Карамазова и эпистемическое сомнение, журнализм как творческая идея писателя, дневник читателя и поэтика “страшного”, человек в свете “реализма в высшем смысле”. В этом же номере публикуется текст знаменитого русского мыслителя-эмигранта Д.И. Чижевского, посвященный Достоевскому.

In June 2013, Moscow hosted the regular XV Symposium of the International Society of Dostoevsky called “Dostoevsky and journalism.” It was attended by foreign and domestic scholars. Revision requested the proceedings of the symposium, believing that the writer of this magnitude can not help in any subject will cause a philosophical turn of thought, these are the texts we were interested. For philosophical journal journalistic theme in a philosophical context is always interesting. We publish in this issue of eight reports explicit philosophic content. Here the motive “ontological ridicule” in Dostoevsky and the problem of existence after death (from Plato to Dostoevsky: Russian experience), and other topics: Ivan Karamazov and epistemic doubt, journalism as a creative idea of the writer, “diary reader” and poetics of “dreadful”, human being from the point of view of “realism in the highest sense”. In the same issue is the text of the famous Russian émigré philosopher D. Chizhevsky dedicated to Dostoevsky.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, журнализм, поэтика страшного, эпистемическое сомнение, онтологическая насмешка, посмертное существование.

KEY WORDS: Dostoevsky, journalism, poetics of “dreadful”, epistemic doubt, ontological ridicule, existence after death.

Какие сны приснятся в смертном сне, или Жизнь в смерти*

В. К. КАНТОР

Я хочу остановиться на небольшом рассказе Достоевского, рассказе под почти сюрреалистическим названием “Бобок”, который в концентрированном виде дает нам представление о том, как писатель понимал смерть и жизнь в России, причем не бытово, а вполне религиозно-философски. Но его анализ должен быть поставлен в отчетливый литературно-философский контекст.

Смерть – это закон всей истории и всегдашний страх человека. Как правило, религия успокаивала людей, обещая потустороннюю жизнь. Но именно жизнь. Тени, с которыми столкнулся в Аиде Одиссей понимали, что здесь они навсегда, что истинная жизнь где-то далеко, они из нее выбыли. Даже в дантовском аду люди мучаются, но понимают, что находятся по ту сторону жизни. Данте из нелюбви к римскому папе мог поместить его в ад, то есть отправить на тот свет. Европейская культура отразилась темой смерти, опираясь на установки христианской веры. Но она твердо проводила эту грань между жизнью и смертью. Жизнь – это то, что человек жаждет. Смерть выталкивает человека в неизвестность. Хотя Христос и обещал вечную жизнь на том свете тем, кто уверует в него. И все же страшная неизвестность мучила тех, кто поднялся до уровня рефлексии.

Данте изобразил потусторонний мир так, что на него показывали, как на человека, поймавшего ад. И не случайно принц Гамлет страшился этих снов, которые ждут человека по ту сторону бытия. Пугало, что т а м. Собственно он шел за Платоном, но с поправкой на христианское (дантовское) понимание того света.

Быть или не быть – таков вопрос;
Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть –
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, – как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. – Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, –
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны.

Платон в “Федоне” сказал, что настоящий философ стремится к смерти, ибо она освобождает разум от телесной тяжести: “истинные философы много думают о смерти, и никто на свете не боится ее меньше, чем эти люди. Суди сам. Если они непрестанно враждуют со своим телом и хотят обособить от него душу, а когда это происходит, трусят и досадуют, – ведь это же чистейшая бессмыслица! Как не испытывать радости, отходя туда, где надеешься найти то, что любил всю жизнь, – любил же ты разумение, – и избавиться от общества давнего своего врага!” [Платон 1993, 19]. Шекспир прошел мимо этого утверждения, прошел и Толстой, переживший свой “арзамасский ужас” как ужас телесной смерти: он “видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем

---

* Данная работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00494а).
© Кантор В.К., 2014 г.

совершающуюся смерть” [Толстой 1982, 47]. Но этот животнo-мистический страх перед смертью был свойствен из русских классиков, пожалуй, лишь Толстому. Такая страсть к плотской жизни, что он даже не успевает подумать о загробной жизни, о том, что ждет его расплатой за прожитую жизнь. Хотя и назвал своего любимого героя *Платон Каратаев*, от плоти ради мысли отказываться он не собирался.

Пожалуй, лишь Пушкин, абсолютный гений русской культуры, отразил в полной мере (молодым очень человеком в 1823 г.) мысль Платона (все же воспитанник Лицея):

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, –
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!..

Это очень серьезное противостояние. В отличие от Платона Пушкин не верит, что мысль уцелеет после смерти “в небесной чистоте”. Он вносит тревожную и, в общем-то, не только антиплатоновскую, но и антихристианскую ноту: “Ничтожество меня за гробом ожидает...” Строго говоря, монолог Гамлета есть рефлексия по поводу дантовского Ада. Пушкин весь в сомнении. Это сомнение он как бы передал великому писателю, который без конца повторял, что Пушкин – высшее и лучшее, что создала русская культура.

Достоевского называли русским Данте. Первым заметил это Герцен, сказав, что картина бани в “Мертвом доме” просто дантовская. Популярность Данте в русской культуре в первой половине XIX в. была весьма велика. Я писал об этом в книге, вышедшей в 1988 г., говоря там о Шевыреве, Милукове и др. На мой взгляд, Гоголь “Мертвые души” строил как трехчастную поэму – по парадигмальному образцу “Божественной комедии”, но удалась у него только первая часть – Ад: «Второй том, предполагаемое “Чистилище”, уже показал писателю невозможность, оставаясь в пределах предложенного действительностью реального материала, осуществить свой замысел» [Кантор 1988, 217]. В “Дневнике писателя” вечные проблемы Достоевский решал на очень актуальных сюжетах, ставя их в контекст “последних вопросов”. Однако ведь и “Божественная комедия” (особенно “Ад” и “Чистилище”) была злободневна, как “Дневник писателя” Достоевского. В “Комедии” в вечность погружены образы современников, злодеев, продажных священников, несчастных влюбленных и т.п. Но не забудем, что у Данте не просто вечность, а загробное существование. В “Преступлении и наказании” Свидригайлов в разговоре с Раскольниковым приоткрывает свое представление о потустороннем мире, о том, что ждет человека там (баня с пауками), в “Карамазовых” тема эта бесконечна, наиболее ярко в разговоре с чертом (топор, своего рода русское оружие возмездия, оказывается спутником Земли). Это, бесспорно, уже уровень дантовского представления о наказании, которое ждет на том свете русского человека. С Данте Достоевского сравнивали и западные мыслители, скажем, Шпенглер. Но сравнение, как говорят, всегда хромает, оно дает ориентир, но никогда не дает понимания нового явления в его целостности.

Проблема того, что будет там, волновала Достоевского бесконечно. На эту тему написан один из самых необычных в мировой литературе рассказов “Бобок” (1873 г.). Игорь Евлампиев в своей последней книге написал: «“Бобок” можно рассматривать как предположение о возможной форме существования человека в той перспективе, которую открывает нам “высшая идея” о бессмертии, и это предположение поражает своей безысходностью и выглядит даже более ужасным, чем представление о вечности в виде бани

с пауками, пугающее Свидригайлова» [Евлампиев 2012, 449]. Ситуация, однако, на мой взгляд, более сложная, чем метафизическая проблема потустороннего бытия человека.

Сюжет рассказа, введенного Достоевским в “Дневник писателя”, то есть как бы заметки без претензий, строится в форме записок журналиста, не очень удачливого в литературе. Но в своих литературных неудачах он не себя винит, а духовную ситуацию России, где потеряли критерий между высоким и грязью слов. “Ныне юмор и хороший слог исчезают и ругательства вместо остроты принимаются” (Бобок). “Вольтеровы бонмо хочу собрать, да боюсь, не пресно ли нашим покажется. Какой теперь Вольтер; нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбили!”

Соответственно потеряли и Бога, но об этом позже. Герой понимает, что это не его мир: «Со мной что-то странное происходит. И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: “Бобок, бобок, бобок!”». И странная, почти кощунственная игра рассказчика с понятиями “дух” и “духовность”. Рассказчик как бы между прочим произносит почти невозможный для православного текст: Достоевский решительно, почти по-журналистски вводит основное слово, которое к концу повествования перерастет в символ.

“Какой такой бобок? Надо развлечься”.

Но и развлечения у этого журналиста–неудачника особые. “Ходил развлекаться, попал на похороны”. Вот восприятие провожающих покойников: “Мертвецов пятнадцать наехало. Покровы разных цен; даже было два катафалка: одному генералу и одной какой-то барыне. Много скорбных лиц, много и притворной скорби, а много и откровенной веселости. *Причту нельзя пожаловаться: доходы. Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом* (курсив мой. – В.К.)”. Фразу рассказчик заканчивает почти вольтеровским, антиклерикальным выпадом. Читатель должен понять, что автор человек интеллектуально свободный.

И далее ресторан. Потом с провожающими идет в ресторан погреться: холодно. “Заглянул в могилки – ужасно: вода, и какая вода! Совершенно зеленая и... ну да уж что! По минутно могильщик выкачивал черпаком”. От этого уж совсем зябко, октябрь. Но есть вполне человеческий выход, и очень российский: “Тут сейчас богадельня, а немного подальше и ресторан. И так себе, недурной ресторанчик: и закусить, и всё. Набилось много и из провожатых. Много заметил веселости и одушевления искреннего. Закусил и выпил”. (Достоевский, как всегда, двойствен: то ли алкоголь наваял дальнейшее, то ли в самом деле это произошло.) “Не понимаю только, зачем остался на кладбище; сел на памятник и соответственно задумался”. И далее начинаются чудеса: “Надо полагать, что я долго сидел, даже слишком; то есть даже прилег на длинном камне в виде мраморного гроба. И как это так случилось, что вдруг начал слышать разные вещи? Не обратил сначала внимания и отнесся с презрением. Но, однако, разговор продолжался. Слышу – звуки глухие, как будто рты закрыты подушками; и при всем том внятные и очень близкие. Очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться.

– Ваше превосходительство, это просто никак невозможно-с. Вы объявили в червях, я вистую, и вдруг у вас семь в бубнах. Надо было условиться заранее насчет бубен-с”.

И далее вдруг выясняется страшная ситуация. Покойники, оставаясь покойниками, продолжают жить какой-то странной жизнью, причем такой же грешной, как жили на земле, продолжают разряды, продолжается чинопочитание, а в зависимости от чина почет и шанс на сексуальные утехы. Хотя рассказчик и поражен, о каком сладострастии может быть речь в могилах. Но речь есть.

“Какие заносчивые, однако, слова! И странно и неожиданно. Один такой веский и солидный голос, другой как бы мягко услащенный; не поверил бы, если б не слышал сам. На литии я, кажется, не был. И, однако, как же это здесь в преферанс, и какой такой генерал? Что раздавалось из-под могил, в том не было и сомнения. Я нагнулся и прочел надпись на памятнике:

“Здесь покоится тело генерал-майора Первеедова... таких-то и таких орденов кавалера”. Гм. “Скончался в августе сего года... пятидесяти семи... Покойся, милый прах, до радостного утра!”

Гм, черт, в самом деле генерал! На другой могилке, откуда шел льстивый голос, еще не было памятника; была только плитка; должно быть, из новичков”.

Но все страсти земные при них: “Далее началась такая катавасия, что я всего и не удержал в памяти, ибо очень многие разом проснулись: проснулся чиновник, из статских советников, и начал с генералом тотчас же и немедленно о проекте новой подкомиссии в министерстве – дел и о вероятном, сопряженном с подкомиссией, перемещении должностных лиц, чем весьма и весьма развлек генерала. Признаюсь, я и сам узнал много нового, так что подивился путям, которыми можно иногда узнавать в сей столице административные новости. Затем полупроснулся один инженер, но долго еще бормотал совершенный вздор, так что наши и не приставали к нему, а оставили до времени вылежаться. Наконец, обнаружила признаки могильного воодушевления схороненная поутру под катафалком знатная барыня. Лебезятников (ибо льстивый и ненавидимый мною надворный советник, помещавшийся подле генерала Первеедова, по имени оказался Лебезятниковым) очень суетился и удивлялся, что так скоро на этот раз все просыпаются. Признаюсь, удивился и я; впрочем, некоторые из проснувшихся были схоронены еще третьего дня, как, например, одна молоденькая очень девица, лет шестнадцати, но все хихикавшая... мерзко и плотнодно хихикавшая”.

Разве возможно сладострастие в мертвом состоянии. Но хочу напомнить, что из великих писателей и мыслителей, только Достоевский побывал в Мертвом доме, вроде бы на том свете, но где люди продолжали жить, жить животной жизнью, предаваясь всем порокам посюстороннего мира. Приведу длинную цитату из “Записок из Мертвого дома”, но она абсолютно необходима: “Начинается кутеж, питье, еда, музыка. Средства большие; задобривается даже и ближайшее, низшее, осторожное начальство. Кутеж иногда продолжается по несколько дней. Разумеется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идет к другим целовальникам, которые уже поджидают его, и пьет до тех пор, пока не пропивает всего до копейки. Как ни оберегают арестанты гуляющего, но иногда он попадает на глаза высшему начальству, майору или караульному офицеру. Его берут в кордегардию, обируют его капиталы, если найдут их на нем, и в заключение секут. Встряхнувшись, он приходит обратно в острог и чрез несколько дней снова принимается за ремесло целовальника. Иные из гуляк, разумеется из богатеньких, мечтают и о прекрасном поле. За большие деньги они пробираются иногда, тайком, вместо работы, куда-нибудь из крепости на форштадт, в сопровождении подкупленного конвойного. Там, в каком-нибудь укромном домике, где-нибудь на самом краю города, задается пир на весь мир и ухлопываются действительно большие суммы. За деньги и арестантом не брезгают; конвойный же подбирается как-нибудь заранее, с знанием дела. Обыкновенно такие конвойные сами – будущие кандидаты в острог. Впрочем, за деньги все можно сделать, и такие путешествия остаются почти всегда в тайне”.

Вот эта странная *жизнь в смерти*, временная смерть, которую прошел в России не один Достоевский, но только он сделал ее предметом художественной рефлексии.

Но о ней говорит и русский фольклор. Пропп выделяет в русской сказке “явление временной смерти”. И замечает: “формы этой смерти очень различны, но сейчас нам важны не формы, а самый факт”. Он отказывается объяснять этот факт, замечая, что на данном этапе достаточно его фиксации: “Мы можем только установить факт, не вдаваясь в его объяснение. Факт тот, что этому умиранию и воскресению приписывали приобретенные магических свойств” [Пропп 1993, 185]. Но то, что он описывает в новелле “Бобок”, тоже жизнь в смерти, которая когда-нибудь перейдет в подлинную смерть. Но надо подчеркнуть, что это не фольклорные живые мертвецы, не вурдалаки, но мертвецы, которые, оставаясь в могилах, продолжают свое существование. Такое писатель мог видеть только в “Мертвом доме”. Пожалуй, сопоставил два этих наблюдения Достоевского – каторжный и кладбищенский – лишь Андрей Белый: «Для чего печатать все это свинство, в котором нет ни черточки художественности. Единственный смысл напугать, оскорбить, сорвать все святое. ”Бобок” для Достоевского есть своего рода расстреливание причастия, а игра словами ”дух” и ”духовный” есть хула на Духа Святого. Если возможна кара за то, что ав-

тор выпускает в свет, то "Бобок", один "Бобок" можно противопоставить каторге Достоевского: да, Достоевский каторжник, потому что он написал "Бобок"» [Белый 1990, 154].

Но надо понимать, что личный опыт, личное гениальное открытие писателя Достоевского находилось в контексте мироощущения русской культуры 1830–1870-х гг. Не надо забывать, что в 1836 г. вышло Первое Философическое письмо Чаадаева, где обозначено место написания его текста – Некрополис. В 1842 г. выходят "Мертвые души" любимейшего русского прозаика Достоевского – Гоголя. В "Бобке" есть намек на связь с Гоголем, комментаторы (Туниманов) полагают, что первые строки рассказа, где рассказывается, что некий живописец изобразил его, как "лицо, близкое к помешательству", о добавил пару бородавок: "Думаю, что живописец списал меня не литературы ради, а ради двух моих симметрических бородавок на лбу: феномен, дескать. Идеи-то нет, так они теперь на феноменах выезжают. Ну и как же у него на портрете удались мои бородавки, – живые! Это они реализмом зовут"¹. Туниманов полагает тут переключку с последней фразой из "Записок сумасшедшего": "А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?". Бородавки как-то переключаются с этой странной шишкой. Безобразие лица и шишки приводят на память, разумеется, Сократа как самого уродливого философа, тем более, что в новелле появляется философ Платон Николаевич, рассуждающий на темы Платона и Сократа – о жизни и смерти: «Платон Николаевич, наш доморощенный здешний философ. <...> Он объясняет всё это самым простым фактом, именно тем, что наверху, когда еще мы жили, но считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь еще раз как будто оживает, остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании. Это – не умею вам выразить – продолжается жизнь как бы по инерции. Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок: "Бобок, бобок", – но и в нем, значит, жизнь всё еще теплится незаметною искрой».

Россия хотела себя чувствовать в контексте мировой культуры, обретая в эти столетия, начиная с Петра Великого, самосознание. И вот, обретя, она ощущает себя погруженной в мрак смерти. "Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе как с царского разрешения или приказа. Оттого здесь все так мрачно, подавленно, и мертвое молчание убивает всякую жизнь. Кажется, что тень смерти нависла над всей этой частью земного шара" [Кюстин 1990, 74]. Мертвецы у Данте живут в аду. География и топография ада описана в Комедии Данте подробно. На земле, полагал Данте, находятся живые, самые скверные могут уже мучиться в аду, нести наказание, но в России Достоевский увидел на кладбище новый тип живущих и мертвых одновременно, для которых это не наказание. Произнести страшно – это образ жизни.

– Это... хе-хе... Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная – хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать, последнее милосердие... Только мне кажется, барон, всё это уже мистический бред, весьма извинительный в его положении...

– Довольно, и далее, я уверен, всё вздор. Главное, два или три месяца жизни и в конце концов – бобок. Я предлагаю всем провести эти два месяца как можно приятнее и для того всем устроиться на иных основаниях. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

– Ах, давайте, давайте ничего не стыдиться! – послышались многие голоса, и, странно, послышались даже совсем новые голоса, значит, тем временем вновь проснувшихся. С особенною готовностью прогремел басом свое согласие совсем уже очнувшийся инженер. Девочка Катишь радостно захихикала”.

А там, где жизнь потеряла высший смысл, человеческая особь впадает в разврат и отказывается от представления о стыде. Тема стыда и потери стыда у героев Достоевского прекрасно развита в книге Деборы Мартинсен "Настигнутые стыдом". В контексте этого понятия выкрики персонажа "Бобка" о том, что не надо стыдиться выявляет страшный момент. Кричать такое могут не люди, но и не животные, ибо животные просто не знают стыда. А герои Достоевского знают, но хотят от него отказаться. Словечки "стыдно", "бесстыдный", "давайте ничего не стыдиться" и пр. буквально пронизывают тексты писателя.

Вл. Соловьев, мыслитель, повлиявший на Достоевского, полагал, что именно стыд отличает человека от животного, и писал в своем трактате “Оправдание добра” о связи стыда с проблемой сексуальной: “Есть одно чувство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенно отсутствует у самых высших животных и однако же ясно обнаруживается у самых низших человеческих рас. В силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек *стыдится*, т.е. признает *недолжным* и скрывает такой физиологический акт, который не только удовлетворяет его собственному влечению и потребности, но сверх того полезен и необходим для поддержания рода. В прямой связи с этим находится и нежелание оставаться в природной наготе, побуждающее к изобретению *одежды*. <...> Этот нравственный факт резче всего отличает человека от всех других животных, у которых мы не находим ни малейшего намека на что-нибудь подобное” [Соловьев 1911–1913, 50–51]. Что же в этом рассказе? Что хотел сказать великий писатель?

Если античный Платон писал: “Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью” [Платон 1993, 11], то здешний Платон (Платон Николаевич) отделяет представление о смерти “тамошнее” и здешнее как бы посмертное, но на самом деле продолжающейся в этой смерти жизни. Перехода от жизни к смерти практически нет. Могильный, словесный разврат подчеркивает эту ситуацию.

Как-то я написал, что только на том свете нет стыда. Либо в раю, где нечего стыдиться, либо в аду, где стыд забыт, отброшен, как в рассказе Достоевского “Бобок”. Пока человек жив, он не может не испытывать стыда за себя или за другого, это и обостряет его восприятие мира, делает человеком. Но, продолжая анализировать “Бобок”, я понял, что это не ад, либо ад по Сведенборгу, где грешники ликуют. Но здесь еще не тот свет, а что тогда? Либо надо признать, что ад возможен в любом месте, где есть человек. Но “Мертвый дом” дал опыт жизни вне жизни, жизни в смерти. Именно тема живых мертвецов поднимается в первом романе его “Пятикнижия” – в романе “Преступление и наказание”. Их там немало, не говорю уж о тех, кто ходит по грани жизни и смерти типа Катерины Ивановны, или идут в смерть, типа утопленницы, на глазах Раскольникова бросившуюся в грязную петербургскую канаву и других постоянно погибающих эпизодических персонажей, скажем, поручик Потанчиков, о котором вспоминает мать Родиона Романовича: “Говорит она нам вдруг, что ты лежишь в белой горячке и только что убежал тихонько от доктора, в бреду, на улицу и что тебя побежали отыскивать. Ты не поверишь, что с нами было! Мне как раз представилось, как трагически погиб поручик Потанчиков, наш знакомый, друг твоего отца, – ты его не помнишь, Родя, – тоже в белой горячке и таким же образом выбежал и на дворе в колодезь упал, на другой только день могли вытащить”. Давать другие длинные цитаты из романа не имеет смысла. Но вот реакцию одного из первых читателей, умевших видеть текст, приведу. Я имею в виду Писарева, который, когда выходил за пределы своего работорства, был тонким ценителем литературы. Такого живого мертвеца он видит в Мармеладове: “И с этим-то ясным пониманием своего глубокого ничтожества, с этим неизгладимым, ярким и жгучим воспоминанием о событиях рокового вечера он все-таки бежит в кабаки, укравши у жены трудовые деньги, пьянствует без просыпу пятеро суток, губит все последние надежды своего семейства и в довершение всех своих подвигов, спустивши в кабаках все, что можно было спустить, идет выпрашивать у своей дочери, живущей по желтому билету, выпрашивать на последний полуштоф водки частицу тех денег, которые она добывает от искателей легкой и дешевой любви и которые составляют единственное постоянное подспорье чахоточной женщины и троих вечно голодных ребятишек. *Ясно дело, что Мармеладов – труп, чувствующий и понимающий свое разложение, – труп, следящий с невыразимо-мучительным вниманием за всеми фазами того ужасного процесса, которым уничтожается всякое сходство этого трупа с живым человеком, способным чувствовать, мыслить и действовать.* Это мучительное внимание составляет последний остаток человеческого образа; глядя на этот последний остаток, Раскольников может понимать, что Мармеладов не всегда был таким трупом, каким он видит его в распивочной, за полуштофом, купленным на Сонины деньги” [Писарев 1956, 330. Курсив мой. – В.К.]. Это результат понимания писателем российской жизни.

Ибо каков исторический контекст жизни Достоевского? “Моровой полосой” назвал Герцен правление Николая, которое создавало это состояние жизни в смерти. “Челове-

ческие следы, заметенные полицией, пропадут, – писал он об этом времени, – и будущие поколения не раз останутся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли” [Герцен 1956, 35]. В конце 1847 г., когда грянули громы над литературой и искусством, удрученный окружающей обстановкой профессор Никитенко писал в дневнике: “Жизненность нашего общества вообще хило проявляется: мы нравственно ближе к смерти, чем следовало бы, и потому смерть физическая возбуждает в нас меньше естественного ужаса” [Никитенко 1955, 308]². Хуже прочих было вступающим в жизнь молодым писателям, мыслителям, поэтам. В их житейском опыте не имелось сопереживания государству в его попытках либерально-европейского развития России. Сразу же их деятельность по просвещению страны оказывалась под запретом. Вспомним хотя бы смертный приговор петрашевцам и Достоевскому, приговоренному “к смертной казни расстрелянием” за чтение вслух письма одного литератора другому (Белинского – Гоголю). Ссылки, каторга, солдатчина – вот что ждало многих. Разумеется, погибали не все, но сколь хрупко и ненадежно было их существование. Увиденная их глазами николаевская Россия напоминает “убогое кладбище” (Герцен), “Некрополис”, город мертвых (Чаадаев), “Сандвичевы острова”, то есть, по представлениям людей XIX века, место, где поедает людей (Никитенко), а обитатели этого мира поголовно – “мертвые души” (Гоголь). В 1854 г. Грановский писал Герцену за границу: “Надобно носить в себе много веры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самого сильного и крепкого из славянских народов. Наши матросы и солдаты славно умирают в Крыму; но жить здесь никто не умеет” [Т.Н. Грановский 1897, 448]. В том же 1854 г. бывший каторжанин Достоевский задумывает свои “Записки из Мертвого (!) дома”; рисуя находящиеся в каторжных стенах все сословия необъятной русской земли, восклицает: “И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром”. Воистину кладбище! На этом “убогом кладбище” вполне возможна ситуация, где оставшиеся в полубессознательном состоянии люди могут только шептать “Бобок”. Жизнь разложилась, но смертью не стала. Впрочем, кладбище не убогое, а грандиозное. Вся страна.

Вот это страшное разложение человеческой души и описал Достоевский в своем самом страшном рассказе. Это страшнее ада. И ко всему прочему эти обитатели гробов пародируют Чернышевского, который попытался ужасу смерти противопоставить формулу, что прекрасное есть жизнь, что это и есть новые начала.

“Нет-нет-нет, Клиневич, я стыдилась, я все-таки там стыдилась, а здесь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!

– Я понимаю, Клиневич, – пробасил инженер, – что вы предлагаете устроить здешнюю, так сказать, жизнь на новых и уже разумных началах”.

То есть разумные начала, полагают радикалы, – это отсутствие стыда. Это и есть красота. И Достоевский почти с этим согласен, ибо идеал Мадонны и идеал содомский соединены в красоте. Это вроде бы жизнь. Но эту жизнь он уже видел. Достоевский ответил, что красота страшная вещь, в ней Бог и дьявол борется. Чернышевский произнес свою формулу до категории.

Но Достоевский уже прошел Мертвый дом и создал образ России, предвосхитивший “Архипелаг ГУЛАГ”. Как пишет А. Тоичкина: «Ему (Достоевскому. – В.К.) важно, чтобы его “Записки...” явились не как свидетельство о пребывании на каторге очевидца, не как очерк о нравах и положении в тюрьмах, а как глубоко художественное произведение о судьбах человеческих, о природе человека и путях его, о России и русском народе (понятие русский народ в данном случае объединяет разные национальности). Не случайно в центре метафоры “Мертвый дом” оказывается понятие дома, места жизни, а *эпитет мертвый обозначает качество жизни в этом доме, состояние живущих в этом доме* (курсив мой. – В.К.). Топос дома оказывается центральным для образа ада в “Записках...” Достоевского» [Тоичкина 2012, 56].

Но не надо забывать, что традиционно в русской культуре, особенно в символике славнофилов, топос дома был равен топосу Россия.

По Достоевскому, сильнее этих людей, людей каторги, он не встречал нигде, в них, строго говоря, энергия России. Ибо страна определяется не безличной, не способной к деянию массой, а деятелями – Потемкиными, Меншиковыми, Столыпинными, писателя-

ми, мыслителями и художниками и – похороненными в остроге. “И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно”.

Достоевский не любил и боялся разбойников, с которыми пришлось ему несколько лет прожить, но силу он их признавал бесспорно.

И все же в этой странной псевдожизни было нечто невсамделишное, жили и не жили. Поэтому для писателя выход из ситуации полужизни-полусмерти – это воскресение: “Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых...”. Но и свобода понимается каторжником как жизнь после смерти: “Замечу здесь мимоходом, что вследствие мечтательности и долгой отвычки свобода казалась у нас в остроге как-то свободнее настоящей свободы, то есть той, которая есть в самом деле, в действительности”. И такое понятие о свободе поневоле обращалось в вольницу, пугачевщины, ибо их понятие о свободе было вне исторического контекста. “Бобок” – продолжение “Мертвого дома” на иной лад.

Возможна ли жизнь тел после смерти? В знаменитой средневековой Диоптре изображен разговор тела с душой. Но у Достоевского в его рассказе души так загрязнены и испачканы, что не могут оторваться от тела, не могут вступить с ним в диалог, тянут телесную жизнь, уже после смерти.

Это особого типа бессмертие. Только великий грешник мог это осознать. Достоевский считал себя великим грешником. Хотел писать об этом роман. Строго говоря, как не раз отмечалось, все его тексты вариации на тему “великого грешника”. И вот в рассказе “Бобок” дан еще один вариант. Тело умершего не дает душе свободы, тянет в свой смрад. Тело не может отделиться души. Это преодоление на свой лад идей Платона.

БОБОК – символ человеческого бытия в России. Страшнее символа я не знаю.

ЛИТЕРАТУРА

- Белый 1990 – *Белый А.* Трагедия творчества // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг. М.: Книга, 1990. С. 142–163.
- Герцен 1956 – *Герцен А.И.* Соч. В 30-ти т. Т. IX. М.: АН СССР, 1956.
- Евлампиев 2012 – *Евлампиев И.И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к “Братьям Карамазовы”). СПб.: РХГА, 2012.
- Кантор 1988 – *Кантор В.К.* “Средь бурь гражданских и тревоги”. Борьба идей в русской литературе 40–70-х годов XIX века. М.: Худ. лит., 1988.
- Кюстин 1990 – *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990.
- Никитенко 1955 – *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. Л.: ГИХЛ, 1955.
- Писарев 1956 – *Писарев Д.И.* Борьба за жизнь // *Писарев Д.И.* Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1956. С. 316–369.
- Платон 1993 – *Платон.* Федон // *Платон.* Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7–80.
- Пропп 1993 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
- Соловьев 1911–1913 – *Соловьев В.С.* Собр. соч. в 10 т. Т. 8. СПб.: Товарищество “Просвещение” [1911–1913].
- Т.Н. Грановский 1897 – Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897.
- Тоичкина 2012 – *Тоичкина А.В.* Образ ада в “Записках из Мертвого дома”. К теме Достоевский и Данте // Достоевский и мировая культура. Альманах № 29. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 52–66.
- Толстой 1982 – *Толстой Л.Н.* Записки сумасшедшего // *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в 22 т. Т. XII. М.: Худ. лит., 1982. С. 43–53.

Примечания

¹ Кстати, речь идет о знаменитом портрете Достоевского кисти В.Г. Перова.

² Называя николаевскую Россию Сандвичевыми островами, Никитенко писал: “На Сандвичевых островах всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймятся и обрекаются гонению и гибели” [Никитенко 1955, 315].

Наши авторы

- ЧУМАКОВ**
Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, первый вице-президент РФО
- КОРОЛЕВ**
Андрей Дмитриевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, Главный ученый секретарь РФО
- ГУСЕЙНОВ**
Абдусалам Абдулкери-мович – академик РАН, директор Института философии РАН, член редколлегии журнала “Вопросы философии”
- КАСАВИН**
Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН
- АНЬ Цинянь** – профессор философского факультета Китайского Народного университета, член редакционного совета журнала “Свободная мысль” (Москва), зам. председателя китайского общества советской, русской философии, член правления Китайского общества по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, постоянный член правления Китайского общества исторического материализма, член правления Китайского общества развития марксистской философии
- БАЖАНОВ**
Валентин Александрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член Academie Internationale de Philosophie des Sciences, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета
- КАНТОР**
Владимир Карлович – доктор философских наук, член редколлегии журнала “Вопросы философии”, профессор философского факультета НИУ ВШЭ
- МАРТИНСЕН**
Дебора – доктор философии, профессор славистики Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), экс-президент Международного общества Достоевского
- ТИХОМИРОВ**
Борис Николаевич – доктор филологических наук, доцент, С.-Петербургское ГБУК “Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского”, заместитель директора по научной работе, президент Российского общества Достоевского

- КИСЕЛЕВА
Мария Владимировна – кандидат филологических наук, аспирантка Университета им. Гумбольдта (Берлин, Германия)
- ЗАХАРОВ
Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, зам. начальника управления Российского гуманитарного научного фонда, президент Международного общества Достоевского
- СТЕПАНЯН
Карен Ашотович – доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Достоевского, зав. отделом критики журнала “Знамя”
- ТОИЧКИНА
Александра Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
- ВОЛГИН
Игорь Леонидович – доктор исторических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, президент Фонда Достоевского, вице-президент Международного общества Достоевского
- СЕВЕРИКОВА
Нина Михайловна – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- РОЗЕНГРЕН
Матс – профессор Высшей школы Сёдерстрём (Стокгольм)

CONTENTS

A.N. CHUMAKOV, A.D. KOROLEV. Philosophy as Knowledge and Lifestyle.
A.A. GUSEINOV. Philosophy as Ethical Project. INTERVIEW WITH T.I. OIZERMAN.
I.T. KASAVIN. Way through the century. Teodor Oizerman's Philosophical Feat.
A.A. GUSEINOV. Patriarch of Domestic Philosophy. AN QUINYAN. T.I. Oizerman and Modern Marxist Philosophy. V.A. BAZHANOV. Variety and Opposition of Realism and Anti-Realism in the Philosophy of Mathematics. V.K. KANTOR. For in that Sleep of Death what Dreams may come or Life in Death. D.A. MARTINSEN. Ivan Karamasov's Devil of and Epistemic Doubt. B.N. TIKHOMIROV. Motive of Ontological Mock in Dostoevsky's Works. M.V. KISELEVA. A Reader's Diary and Poetics of Terrible. V.N. ZAKHAROV. Code of Dostoevsky: Journalism as Creative Idea of the Writer. K.A. STEPANYAN. Human in the Light of "Realism in the Highest Sense" (Dostoevsky, Shakespeare, Servantes, Balzak, Makanin). A.V. TOICHKINA. Chizhevsky's Notes about Dostoevsky and N.N. Strakhov. D.I. CHIZHEVSKY. Ivan Karamazov's Devil and N.N. Strakhov. Philosophy of Ivan Karamazov and Strakhov. Dostoevsky and Strakhove. I.L. VOLGIN. "A Writer's Diary" as World-Building Project. N.M. SEVERIKOVA. Pages of Philosopher Haskhachih's Life . THE BOOK "PHENOMENON AND SENSE" BY GUSTAV SHPET (a "round-table" discussion). By M. DENN, I.A. MIKHAILOV, V.I. MOLCHANOV, N.V. MOTROSHILOVA, T. NEMET, B.I. PRUZHININ, A.S. SAVIN, F. TEPP, A. KHAN, W. SCHMID, T.G. SCHEDRINA. M. ROSENGREN. Thesis of Protagoras: Doxological Perspective. SCIENTIFIC LIFE. BOOK REVIEWS.

Сдано в набор 11.02.2014   Подписано к печати 24.04.2014   Дата выхода в свет 28 еж.
Формат 70 × 100¹/₁₆   Офсетная печать   Усл. печ.л. 15.6   Усл.кр.-отт. 11.5 тыс.   Уч.-изд.л. 18.7
Бум.л. 6.0   Тираж 726 экз.   Зак. 91   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119049 Москва, Мароновский пер., 26
Телефон 8 (499) 230-79-56
Оригинал-макет подготовлен АИЦ "Наука" РАН
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099 Москва, Шубинский пер., 6